

2. Zhirkova, E. A. *Neocevidnye dominanty i ikh znachenie v adekvatnoy interpretatsii khudozhestvennogo teksta* (Unevident dominants and their significance in its interpretation of a literary text). Krasnodar, 2006.

3. Lermontov, M. Yu. *Geroy nashego vremeni* (Hero of Our Time), in *Sobranie sochineniy*, Vol. 4. Moscow: Pravda, 1969.

4. *Frazeologicheskii slovar russkogo yazyka*, Molotkov, A. I., Ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1978.

С. В. Супрун¹

«ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА» ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

(ПО МАТЕРИАЛАМ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Рассматриваются особенности интерпретации художественного мира М. Ю. Лермонтова критиками русского зарубежья.

Ключевые слова: поэтический мир, модель художественного мира, художественная реальность, художественное пространство.

Литература, как и геометрия, требует пространственного воображения. В пределах одного произведения и творчества одного автора можно наблюдать множество взаимосвязанных, существующих параллельно художественных пространств.

В литературоведении понятие «художественный мир» (как статико-динамическая модель произведения или творчества) имеет целый ряд синонимических толкований: художественная реальность, художественное пространство, поэтический мир, модель мира, картина мира, образ мира и т. д. Эти термины могут быть конкретизированы, но все они рассматриваются во взаимосвязи с уровнями понимания творчества автора как единого текста.

Рассмотрение модели «художественный мир» Лермонтова в критике русского зарубежья позволяет выявить проблему параллельных пространств, их общности и специфичности,

¹ СУПРУН Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, преподаватель Профессионального лицея № 24, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: svetlava72@mail.ru.

которая необходима при построении общеметодологического подхода к пониманию творчества поэта. С одной стороны, при определении пространства, составляющего модель «художественного мира» Лермонтова, критиками учитываются методологические подходы к описанию художественной реальности. С другой стороны, содержательно различающиеся альтернативы представляют собой субъективную логику вынесения суждений.

П. М. Бицилли прежде всего отмечал своеобразие лермонтовского художественного мира, его «особую манеру»: «он принес с собой какое-то новое мироощущение, какой-то новый внутренний опыт, как-то по-своему понял и по-своему разрешил трагедию жизни» [1, с. 828].

На уникальность лермонтовской художественной модели мира указывает в своей статье «Лермонтов» (1958) представитель русского зарубежья Вяч. И. Иванов. Он пишет, что мир этот «странно и почти угрожающе отъединенный» [4, с. 848]. И прежде всего это именно «духовное отъединение», проявление яркого «индивидуализма».

Такая индивидуальная манера творческого воплощения способствовала, по мнению литературоведов эмиграции, более полной реализации модели художественного мира поэта.

В художественном мире Лермонтова П. М. Бицилли выделяет пространство, которое определяет как «интеллектуально-логическое». Признаками того, что лермонтовскому миру присущ интеллектуализм, является, по мнению критика, изобилие абстрактных выражений («полный гордого доверия покой», «в небесах торжественно и чудно» и др.) и, как следствие, «отвлеченность языка». Личностную составляющую изображенной модели мира, «отвлеченность лермонтовского мышления» Бицилли связывает с «особенностями его миро-и самоощущения» [1, с. 832]. Такая отвлеченность уводит от конкретики, поэтому художественный мир наполнен отзвуками, отблесками, тенями, призраками иного мира (данной символике соответствуют выражения: «тень следов», «тени чувств», «отголосок рая» и др.).

«Интеллектуально-логическое» пространство художественного мира подчинено «строгой логической схеме». Это и заданные в определенном порядке вопросы, и логическая

схема развития поэтической мысли (общее положение – выводимые из него частности, как, например, в стихотворении «Нет, не тебя так пылко я люблю...»; вопрос – ответ, как, например, в стихотворении «Парус»; от внешнего – к внутреннему, стихотворение «Молитва»; последовательное обоснование утверждения, например, в «Споре», «Дубовый листок». П. М. Бицилли выделяет следующие типы логических схем: если..., когда-то..., тогда... («Когда волнуется желтеющая нива...», «Когда зари румяный полусвет...», «Когда одни воспоминанья...» и др.). Кроме того, многочисленные дихотомии, антитезы, попарные сочетания идей и образов («с свинцом в груди и жаждой мести»). С точки зрения критика такой «антипоэтический способ творить» дает поразительные «поэтические эффекты». И позволяет достигать разных целей, формировать новые смыслы, а в целом – переструктурировать художественное пространство.

П. М. Бицилли выделяет еще одну пространственную модель художественного мира, существующую одновременно и параллельно с вышеизложенной. Он определяет художественный мир Лермонтова как выражение «мистической религиозности». Поэт занимает положение «эксцентричное по отношению к миру и к самому себе» [1, с. 833], а его художественный мир – это «его точка зрения» на мир реальный. Критик обозначает важный на его взгляд аспект в восприятии мистическо-религиозной стороны лирики Лермонтова. Это состояние переживания, соответствующее тому, что поэт фактически чувствовал сопричастность «иному миру»: «Касание иного мира было не предметом стремлений, а переживанием» [1, с. 836]. Поэт непосредственно ощущал «объективную реальность» «иного мира». Все это позволило ему видеть вещи в религиозно-мистическом ракурсе такими, какими их еще никто не видел. Состояние переживания преобразовывалось в пространство, в котором становились возможными все допустимые языком трансформации: условное и нереальное повествование, набор действий в пространстве и времени, смена точки зрения и др. Все это и создает потенциальное религиозно-мистическое пространство художественного мира.

В отличие от П. М. Бицилли критик и философ эмиграции К. В. Мочульский разделял творческое пространство поэта на

«мистическое» и «религиозное»: «Лермонтов редко касается религиозных тем и вполне равнодушен к догматическому богословию, а между тем вся лирика его движется подлинным религиозным вдохновением», потому что душа его – «по природе христианка» [6, с. 61]. Временами в стихах он переживал минуты истинного «религиозного экстаза» (например, в «Молитве», в «Молитве странника» и др.). Мистическая же основа поэзии – это «неудовлетворенность, покинутость, одиночество души, тоска по раю, смутная жажда полноты божественной жизни, неземная музыка, никогда не умолкающая, сладостная и тоскливая» [6, с. 62].

По мнению Вяч. И. Иванова, мистический фактор, «интуитивное прозрение космического начала» [4, с. 859] определяли сущность пространства художественного мировидения Лермонтова. Присутствие сверхъестественного настолько явлено, что возникает ощущение, словно поэт живет с «иным миром» в «тайном и нерушимом союзе» [4, с. 855]. Такая способность поэта «созерцать и осознавать мир» привела к причудливой особенности: «Реальность, представшая ему впервые, была двулика: в ней виденное наяву и виденное в полусне следовало одно за другим и подчас смешивалось» [4, с. 853].

У В. Н. Ильина в статье «Печаль души молодой (М. Ю. Лермонтов)» (1931) художественный мир поэта «пневмотеллуричен», представляет собой воплощение ангельского духа и мрачной, непросветленной плоти: Лермонтов словно «заворожен был ангельской красотой потусторонних видений и потусторонних реальностей» [5, с. 14]. В. Н. Ильин попытался объективировать возможные причины двойственности мышления, когда «элементы демонической метапсихики» причудливо сплетаются с ангелизмом и «дают мучительно надрывные мелодии и образы».

«Ангелическим», подобным голосу с небес, называл гений Лермонтова Ив. Лукаш в статье «По небу полуночи» (1939), а К. И. Зайцев писал: «Ему было, как никому, доступно “ангельское”, и вместе с тем Лермонтов был одержим злом» [2, с. 74].

Как религиозное, но при этом «чуждое церковности», интерпретирует пространство художественного мира философ русского зарубежья В. В. Зеньковский в своей статье «М. Ю. Лермонтов» (1960). Хотя религиозное начало («соседство с Богом») присутствует в лирике в несколько усечен-

ном виде. Параллельно он рассматривает художественное пространство Лермонтова как выражение «романтического персонализма» [3, с. 877], считая поэта создателем русской романтической лирики (так называемая «поэзия земли»). И обозначает следующие его особенности: романтическое «томление духа»; «внутренняя незаконченность»; мятеж; «тщетная свобода пленных мыслей». В этом критик, с одной стороны, увидел проявление безграничной жажды свободы, потребность в творчестве, духовный максимализм. И, с другой стороны, стремление к «покою» как к «полноте жизни».

В интерпретационном контексте литературно-критических взглядов русского зарубежья присутствуют как точки соприкосновения, так и точки расхождения в восприятии пространства художественного мира М. Ю. Лермонтова, что лишь подчеркивает значимость реализации поэтом всего потенциала своего художественного мышления. Основным механизмом интерпретации становится раскрытие динамических взаимосвязей параллелей художественного мира. Для нахождения «правильных» литературоведческих ориентиров было важно не умение «додумывать мысли», а стремление мыслить не в плоскостной связи причинных последовательностей, а в пространственном представлении творческого анализа, требующего строгой рефлексии. Эти схемы литературоведческого анализа прямо смыкаются с психологией творчества, философией, математикой и др.

Безусловной признается мысль о том, что все особенности лермонтовского художественного мира свидетельствуют «о силе, о гениальности, об исключительности поэтической натуры» [1, с. 833].

Использованная литература:

1. Бицилли П. М. Место Лермонтова в истории русской поэзии // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 825–840.
2. Зайцев К. И. О «Герое нашего времени» // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции. М.: Русский мир, 1999. С. 109–115.
3. Зеньковский В. В. М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 874–844.

4. Иванов Вяч. И. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 846–863.

5. Ильин В. Н. Печаль души молодой (М. Ю. Лермонтов) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции. М.: Русский мир, 1999. С. 20–30.

6. Мочульский К. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции. М.: Русский мир, 1999. С. 90–108.

«PARALLEL SPACES» OF M. LERMONTOV'S ARTISTIC WORLD

(IN RUSSIAN EMIGRANT LITERARY CRITIQUE)

SUPRUN, Svetlana – Cand. Sc. (Theory of Literature, Textual Study), Lecturer, Professional Lyceum № 24, Krasnodar, Russia.

E-mail: svetlava72@mail.ru

The article reviews the peculiarities of interpretation of M. Lermontov's artistic world by emigrant Russian literary critics.

Keywords: poetic world, model of artistic world, artistic reality, artistic space.

References:

1. Bitsilli, P. M. Mesto lermontova v istorii russkoy poezii (Lermontov's Place in the History of Russian Poetry), in *M. Yu. Lermontov: Pro Et Contra: Antologiya*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2002, pp. 825–840.

2. Zaytsev, K. I. O "Geroe nashego vremeni" (About the "Hero of our Time"), in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya I Lermontov: Iz Naslediya Pervoy Emigratsii*. Moscow: Russkiy Mir, 1999, pp. 109–115.

3. Zen'kovskiy, V. V. M. Yu. Lermontov (Mikhail Yu. Lermontov), in *M. Yu. Lermontov: Pro Et Contra: Antologiya*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2002, pp. 874–844.

4. Ivanov, V. I. Lermontov, in *M. Yu. Lermontov: Pro Et Contra: Antologiya*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2002, pp. 846–863.

5. Il'in, V. N. Pechal' dushi mladoy (M. Yu. Lermontov) (The Sorrow of the Young Soul (Mikhail Yu. Lermontov)), in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya I Lermontov: Iz Naslediya Pervoy Emigratsii*. Moscow: Russkiy mir, 1999, pp. 20–30.

6. Mochul'skiy, K. Lermontov (Lermontov), in Fatalist. *Zarubezhnaya Rossiya i lermontov: iz naslediya pervoy emigratsii*. Moscow: Russkiy mir, 1999, pp. 90–108.

Ю. Г. Пастушенко¹

ЛЕРМОНТОВ, ПРОЧИТАННЫЙ ПЛАТОНОВЫМ

(ЛЕРМОНТОВСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА 1930-Х ГОДОВ)

В статье рассматриваются интертекстуальные связи рассказа А. Платонова «По небу полуночи» с произведениями М. Лермонтова: поэмой «Демон» и стихотворением «Ангел». Показывается, что лермонтовский текст дает Платонову возможность, используя неявные формы, высказать глубоко личные взгляды, идущие вразрез с официальной идеологией.

Ключевые слова: Платонов, Лермонтов, «По небу полуночи», «Ангел», «Демон», «К столетию со времени смерти Лермонтова», «Размышления читателя», амбивалентность, интертекст, интерпретация, интенция авторская, рассказ, статья.

*Светлой памяти Л. А. Степанова,
предложившего идею этой работы*

Комментируя роман А. Платонова «Чевенгур», В. Вьюгин справедливо отметил, что «творчество М. Лермонтова не часто упоминается среди «интертекстуальных источников», когда речь идет о Платонове» [2, с. 172]. Однако у Платонова есть один достаточно известный рассказ, напрямую связанный с лермонтовским текстом – это «По небу полуночи», над которым Платонов работал весной–летом 1939 года. Рассказ был напечатан в том же году в июльском номере журнала «Индустрия социализма». Современниками рассказ был воспринят как антифашистский, но в наше время исследователи, говоря о нем, склоняются к более сложным суждениям. Например, «ветхозаветным, глубоко метафизическим и очень личным» называет его в своей книге А. Н. Варламов [1, с. 130].

¹ ПАСТУШЕНКО Юрий Георгиевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: urastush@rambler.ru.